

Нельзя сказать, что шведы не понимали стратегического и экономического значения дельты Невы для своего королевства, как и необходимости ее надежной защиты. Шведские инженеры и фортификаторы, приезжавшие сюда с инспекцией в конце XVII в., в своих донесениях не раз предупреждали стокгольмские власти, что при первом же серьезном наступлении возможного противника (т. е. русских) крепости Ингрии падут одна за другой — они стояли в неизменном виде с XVI в., а потому безнадежно устарели, обветшали и для обороны не годились. К такому выводу после поездки 1681 г. по крепостям Ингрии пришел и Эрик Дальберг — крупный шведский фортификатор и инженер, генерал-губернатор Лифляндии. В своем отчете он дал уничтожающую характеристику городским и предмостным укреплениям Ниена, указав, что они «более вредны, чем полезны», так как противник легко может их захватить и потом использовать как плацдарм для нападения на расположенную в устье Охты цитадель. Это, кстати, и случилось в конце апреля 1703 г.

Дальберг оказался провидцем и в другом. Он отмечал ключевую роль Ниеншпанца в системе обороны Ингрии, когда подчеркивал: «Если не удержать Нюен, то ни Кексгольм, ни Нотебург не помогут защитить Карелию, и Кексгольмский лен, и даже сам Выборг... а русские, благодаря большой численности своего войска, легко могут навсегда осесть в этом месте... и таким образом, не дай Бог, получат выход к Балтийскому морю, о котором они мечтали с незапамятных времен». Дальберг предлагал усилить всю систему обороны устья Невы, но этого не было сделано ни в 1681 г., ни позже. Семнадцать лет спустя, в 1698 г., Дальберг снова писал о Ниеншпанце как о «маленькой никчемной крепости»²⁹ и послал в Сток-

²⁷ Рухманова Э. Д. Русско-шведская торговля по Невскому пути и город Канцы (XVII в.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1979. С. 151.

²⁸ Там же. С. 160—161.

²⁹ Кальюди Е. А., Кирпичников А. Н. Крепости Ингерманландии и Карелии в 1681 году: По донесениям Эрика Дальберга правительству Швеции // Скандинавский сборник.

гольм проекты усиления обороны устья Невы, но все осталось без изменений.

Почему же стокгольмские власти не спешили укреплять Ниеншанц и другие важные стратегические пункты Восточной Прибалтики? Дело заключалось вовсе не в беззаботности шведских стратегов. Они исходили из традиционной военной доктрины великодержавной Швеции, согласно которой считалось, что лучшим средством защиты собственных владений является наступление на противника — именно так действовали шведские короли со времен Густава II Адольфа и, надо сказать, почти всегда добивались успеха. (Замечу, что Петр I, отдавая должное достижениям фортификации, никогда не считал мощные крепости основой безопасности страны. Он даже говорил, что за крепостными стенами хорошо отсиживаться, когда воюешь «против азиатцев», европейские же армии нужно побеждать в полевом сражении). Кроме того, шведы были слишком уверены в своих силах, и в канун исторических событий начала XVIII в. на берегах Невы в Ниеншанце (а также на укрепленной мызе Дудергоф) была расквартирована лишь небольшая группировка генерала Абрахама Крониорта — всего около 6—8 тысяч человек. Она и должна была прикрыть Ингрию от возможного нападения русских с востока. Забегая вперед, скажем, что только после падения Нотебурга осенью 1702 г., то есть за полгода до прихода огромной русской армии к укреплениям Ниеншанца, шведы предприняли поспешную попытку усилить оборону в устье Невы — на месте села Спасского они построили кронверк с тремя бастионами³⁰, но было уже поздно. Оказать сопротивление огромной армии Петра I в той обстановке Крониорт уже не мог.